

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Дмитрий Цвибель

POST SCRIPTUM

ПЕТРОЗАВОДСК 2020

УДК 792
ББК 85.335(2Рос.Кар)

Ц 28

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федеральной еврейской
национально-культурной автономии

Цвибель, Дмитрий Григорьевич

Ц 28 Post Scriptum/Дмитрий Цвибель; [Еврейская религиозная община]. – Петрозаводск: Принт, 2020, - 64 с.
(Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып.26).

Дмитрий Цвибель – пианист-концертмейстер, композитор, общественный деятель, основатель еврейской религиозной общины Петрозаводска, автор книг «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича» (2004), «От Станции Зима к Бабьему Яру» (2008), «Возрождение еврейской общины в Карелии» (2013), множества публикаций в прессе.

ISBN

УДК 792
ББК 85.335(2Рос.Кар)

© Дмитрий Цвибель

КАК Я ХОДИЛ ПО БОЛЬШОМУ

В начале 1991 года Союз театральных деятелей РСФСР объявил о формировании группы оперных концертмейстеров для стажировки в Большом театре. Группу предполагалось собрать из десяти человек, и участники должны были отвечать определенным критериям. Поначалу это вызвало большой ажиотаж среди членов СТД, но постепенно стало ясно, что по разным причинам – и членство в СТД, и занятость в репертуаре, и стаж работы в театре и сроки, и пр. и пр. оставляли «за бортом» многих желающих попасть на столь престижный форум в главный музыкальный театр страны.

И вот, семь концертмейстеров из разных оперных и музыкальных театров РСФСР собрались в помещении СТД в Москве на Страстном бульваре, д. 10. Нам представили концертмейстера Большого театра Лию Абрамовну Могилевскую, которая и будет вести этот курс с завтрашнего дня. Лия Абрамовна познакомилась со всеми, спросила откуда кто приехал, и что каждый хотел бы получить от нее. Всем раздали направления в гостиницу «Центральная» на улице Горького (ныне ул. Тверская), которая оказалась совсем недалеко (к нашему удивлению, с деревянными лестницами внутри и всеми удобствами... в коридоре) и попросили подойти завтра к Большому театру – там нас будут встречать. Предупредили, что Большой театр – режимный объект, и вход строго по специальным пропускам, и находиться в театре мы сможем только в указанное в них время. Назавтра задолго до 10 часов я уже был у театра.

Обошел вокруг, еще не веря, что вот сейчас войду внутрь и буду ходить по коридорам, по которым ходили великие деятели российского театра, где рождались шедевры российской и мировой сцены. Вспомнил спектакли, которые посчастливилось здесь увидеть: «Севильский цирюльник» с Юрием Мазурком (1969); «Щелкунчик» с Екатериной Максимовой и Владимиром Васильевым (хотя шел я на балет «Геологи» на музыку Николая Каретникова, но его в последний момент заменили) (1969); «Свадьба Фигаро» с Евгением Кибкало (1970); «Чайка» с Аллой Михальченко (1980). Еще на сцене Большого смотрел спектакль театра Ла Скала «Аида» со знаменитым дирижером Клаудио Аббадо и потрясающей Амнерис – Фьоренцей Коссотто (1974). Перед спектаклем Ла Скала, помню, театр был оцеплен милицией, и пока я попал внутрь, три раза проверили билет: сначала запустили под колонны; затем перед входными дверьми; и, наконец, уже внутри в вестибюле! А перед театром бегал какой-то иностранец с пачкой долларов и смешно выкрикивал: «былътэ, былътэ!». Последний раз в Большом театре я был на «Иване Сусанине» в 1981 году. Огромный, немного аляповатый зал, много света, много красивой публики, разыгрывающийся перед спектаклем оркестр – все это наполняло меня каким-то восторгом, предвкушением чуда. И чудо свершилось, правда, не совсем такое, какое я ожидал. Дирижер встал за пульт, взмахнул палочкой, и зазвучал долгий аккорд, на который оркестранты вдруг встали и весь зал в след за ними. Двое мужчин, сидящих рядом со мной, подозрительно похожих друг на друга

выправкой, одинаковыми костюмами и галстуками, резво вскочили. Ничего не понимая, поднялся и я. И этот великолепный зал наполнился звуками... Гимна Советского Союза! Оказывается, этим спектаклем, по традиции, открывался новый театральный сезон, и перед началом исполнялся Гимн СССР. Восторг у меня как-то сразу улетучился, сменившись некоторым скепсисом с долей иронии. И несмотря на прекрасное пение Евгения Нестеренко, выступавшего в главной роли, я холодным рассудком констатировал, что Ваня в исполнении Тамары Синявской, скорее Маня; поляки, запутавшиеся в спустившемся на тросах нарисованном заднике, могли бы еще дома узнать дорогу на Москву, и не спрашивать про нее у какого-то Ивана, хоть он и Сусанин; и хор «Славься» исполняется, как строевая советская песня про родную коммунистическую партию, и звучит как-то даже угрожающе.

Но это было давно.

А сейчас нашу группу встретила Лия Могилевская, и мы нерешительно вошли в чрево Большого театра через артистический подъезд. Прошли по, казалось, нескончаемому коридору, подошли, наконец, к небольшому холлу со множеством объявлений. Пока Лия Абрамовна зашла в какую-то коморку за ключом, мы обратили внимание на криво висящий листок на доске объявлений, на котором было поздравление Лие Могилевской (с чем – память не сохранила). В глаза бросилась фраза, что Лия Абрамовна Могилевская обладает «феноменальными профессиональными

качествами, знает наизусть более ста опер», чему, естественно, было трудно поверить, – но в то время такими громкими фразами не бросались. И только в процессе занятий мы убедились, что это правда, да еще и не вся! Лия Могилевская играла наизусть не только любые сцены из опер, которые мы просили разобрать, но и с любого места, и даже любые фразы, за любых персонажей! Клавиры нужны были только для наглядности, чтобы показать нам, как выстраивается та или иная линия, где лучше исполнителю взять дыхание, где можно «отдохнуть», где концертмейстеру необходимо «прикрыть» певца, а где слегка ускорить темп, чтобы у артиста хватило дыхания и пр. и пр. Словом, тысячи всяческих профессиональных тонкостей, почти неуловимых, на слух из зала вряд ли различимых, но все вместе, в совокупности они и отличают Мастера-художника от ремесленника, даже очень высокой квалификации. Это был гимн профессии, праздник высокого искусства! На этом фоне совершенно неожиданным для нас было ее признание, что сама она... не поет!

– Вот чего нет, так нет. Но Бог мне дал «вокальное» ухо, что случается довольно редко. Причем я даже не знаю всей певческой терминологии. Когда слышу неверный звук, то говорю о нем простыми словами, и мы вместе с вокалистом находим, как его исправить. Концертмейстер – это человек, который должен любить театр и вокалистов больше, чем себя. Он должен подчинить всю свою жизнь и профессию тому, чтобы сделать певцов музыкантами.

Она объяснила нам, что в клавирном переложении в пассажах не всегда необходимо выигрывать все ноты, важно показать это движение и понять для чего оно служит, что в себе несет, создать художественный образ, заложенный композитором. Хотя, тут же продемонстрировала, что может все эти нотки выиграть, просто не всегда это дает тот эффект, который задуман автором. Дело в том, что в оркестре в большинстве случаев пассаж исполняют одновременно разные инструменты и не обязательно в унисон, плюс «поддержка» чисто оркестровыми средствами, и этим достигается необходимый эффект, и тут же проиграла несколько вариантов такого пассажа, причем с разными художественными задачами и разными результатами, хотя ноты-то оставались теми же! Нечто похожее я прочитал у великого английского концертмейстера Джеральда Мура в его книге «Певец и аккомпаниатор», переведенной на русский язык и изданную в СССР в 1987 году. По поводу одного «шумного» места в аккомпанементе какого-то вокального произведения Джеральд Мур пишет, что не так важно даже какие ноты вы сыграете (все, конечно, в меру), а важен сам посыл, художественный образ. Во вступительной статье к книге, написанной еще одним выдающимся аккомпаниатором Важа Чачавой, сказано о Джеральде Муре: «Его заслугой является то, что он повысил статус аккомпаниатора от подчиненного лица до равноправного творческого партнера». Вот этому и учила нас Лия Абрамовна Могилевская, названная «концертмейстером №1 в мире». Она работала с такими великими исполнителями,

как Иван Козловский, Сергей Лемешев, Владимир Атлантов, Галина Вишневская, Маквала Касрашвили, Зураб Соткилава, Николай Гедда, Мария Биешу, Елена Образцова; с дирижерами Евгением Мравинским, Куртом Зандерлингом, Евгением Светлановым, Юрием Темиркановым, Мстиславом Ростроповичем, Борисом Хайкиным, Самуилом Самосудом, – и это далеко не полный список! Уже по этому списку можно представить масштаб дарования и высоту полета этой удивительной женщины! Недаром же Родион Щедрин сказал о Лие Могилевской «Она феноменально одарена природой: абсолютный, не побоюсь сказать, – абсолютнейший слух, редчайшая, почти моцартовская музыкальная память. Вкус, умение видеть деталь и охватить целое, прирожденное чувство музыкальной драматургии. К этому нужно добавить пианистический дар, дирижерскую – да-да, дирижерскую – одаренность, педагогический такт и чутье. Все это – редкие качества в нашем музыкальном цеху...»

Желая познакомить нас с новыми явлениями в мировом оперном искусстве (Советский Союз много лет был оторван от западной культуры), Лия Абрамовна пригласила нас к себе в гости, купив огромный торт. Жила она на Новом Арбате в высотном доме с консьержкой при входе, напротив домов-книжек. Квартирка оказалась небольшой, и с пола до потолка была уставлена стеллажами с видеокассетами оперных спектаклей. Как объяснила Лия Абрамовна, она привозила их из заграничных поездок, тратя все заработанные там деньги.

«Такой коллекции записей опер нет ни в одном магазине или фонотеке», – сказала она очень просто, без желания удивить, накрывая на стол. Показала нам несколько фрагментов разных опер в нетрадиционных постановках, том числе и «Травиату» Франко Дзеффирелли с целым букетом знаменитостей: Терезой Стратас, Пласидо Доминго, Екатериной Максимовой, Владимиром Васильевым (снявшими свой танец одним дублем, пояснила по ходу Лия Абрамовна), дирижером Джеймсом Левайном, хором и оркестром Метрополитен Опера. Потом были и «Кармен», и «Тоска», и «Сказки Гофмана», и еще одна «Травиата»... Вместить в себя все увиденное было просто невозможно. Лишь позже вспоминались какие-то фрагменты и комментарии или реплики Лии Абрамовны, довольно острые, но всегда точные.

Однажды во время утренних занятий дверь без стука отворилась и в класс вальяжно вошел Зураб Соткилава. После приветствия-поцелуя с улыбкой, как бы между прочим, сказал Лие, что «певец С. завтра петь не сможет, так ты уж подготовь своего молодого Б.», и попрощался, обещав позже рассказать о своей поездке в Турцию, из которой только что вернулся. Лия спокойно ответила: – Хорошо, – но, когда дверь закрылась, обратилась к нам: – Ну, все понятно? Театр!.. Он же знает, что Б. еще совсем сырой, хочет немного ему подгадить. Она извинилась и отпустила нас, сказав, что сейчас попробует сделать все, что возможно за эти полтора дня, а нам посоветовала посмотреть сценическую репетицию «Евгения Онегина».

Мы спустились в зрительный зал. На сцене репетировали первый акт «Онегина». Спектакль ставил Борис Покровский, а рутинные репетиции проводили очередные режиссеры театра. И вот, в режиссере, ведущем репетицию, я с удивлением узнал своего знакомого! Дело в том, что минувшим летом я отдыхал в Доме творчества СТД в Рузе. Как-то, гуляя, на развилке тропинки встретил двух таких же отдыхающих, смотрящих куда-то вверх на верхушки деревьев.

- Второй день уже слышим, как стучит дятел, но никак не можем его увидеть, – ответили на мой вопрос.

- Вот так надо стучать: слышно что стучит, но не видно кто, – и я пошел дальше.

- Ну, у нас так и стучат! – донеслось вдогонку.

Потом мы пару раз виделись в столовой, перекинулись ничего не значащими фразами, даже не представились друг другу – обычное в таких ситуациях, чтобы не обременять себя ненужными знакомствами.

В перерыве репетиции, идя по проходу зрительного зала, режиссер встретился со мной взглядом, подошел, поздоровался. Было видно, что он мучительно вспоминает, где мог со мной видеться. После нескольких общих фраз на всякий случай извинился и отошел.

Дальше – чистый Николай Васильевич Гоголь. Человек пять или шесть, сидящих в зале, увидев, что режиссер (в отличие от меня, они знали, кто он) почтительно здоровается с неизвестным им человеком, – а вдруг он из ЦК или Министерства культуры или еще откуда-нибудь «сверху», –

по очереди стали подходить ко мне и представляться! Сначала я немного растерялся, но после третьего, представившегося заместителем начальника какого-то цеха театра, вошел в роль и даже похвалил Нину Раутио, единственную фамилию, которую я мог назвать, поскольку она из Петрозаводска, хотя в этой репетиции не участвовала, а просто присутствовала. Это произвело впечатление. Я попросил «обратить на нее внимание». В ответ мне подобострастно закивали.

Девушки из нашей группы уважительно посмотрели на меня:

- А ты, оказывается, известный человек!

А когда в буфете мне на шею бросилась молодая артистка театра с поцелуями, мои «акции» еще немного подросли. Они же не знали, что Ирина Г. окончила Петрозаводскую консерваторию и работала в хоре, и мы были хорошо знакомы. Она-то и рассказала о некоторых закулисных делах. Оказывается, спектакль «Евгений Онегин» ставился для гастролей в Нью-Йорке, поэтому атмосфера в театре была нервная – не знали кто поедет, тогда это было жизненно важно в материальном плане. И хотя львиную долю из заработанных артистами денег за рубежом забирало себе государство, все же и эти, оставшиеся гроши, были ощутимой добавкой к нищенской актерской зарплате. Да и привезти «оттуда» можно было то, чего не было в стране, строящей коммунизм. И в хоре, и в оркестре готовили по два состава, а у солистов даже больше.

Во время репетиций на сцене всегда находился директор хора с «амбарной» книгой, в которую что-то записывал, постоянно перетасовывал составы. Работа в хоре изнурительная, отношение к артистам недоброжелательное, зарплата небольшая, домой между репетициями нет смысла уходить: пока доедешь, уже надо обратно. Вот такая жизнь! Я посочувствовал.

В перерывах между занятиями я ходил по коридорам и прислушивался к тому, что пели или играли за многими дверями. Останавливался, слушал как идет урок, какие замечания делает концертмейстер, как это исправляется. Интересной была, подслушанная мной, работа над романсом Рахманинова «Здесь хорошо», из которой я для себя взял несколько нюансов. В общем, «коридорная консерватория». Кстати, о коридорах. Вся закулисная часть Большого театра, включая сцену, была в отвратительном состоянии: облезлая штукатурка; деревянные перекрытия; причем перекрытия эти, очевидно, не менялись с момента постройки здания, и были неровными, в щербинах, местами наспех приколотенные к стенам, чтобы не развалиться окончательно; мебель не выбивалась из общего ансамбля и хорошо, если имела три ноги; освещение, если можно так назвать несколько лампочек, висящих на проводах... И среди всего «этого» рождались шедевры! В этом что-то есть!

Очень хотелось поприсутствовать на уроке артистов балета. Пошел искать в этом лабиринте всевозможных переходов и залов. По звукам, все же, нашел. Слегка приоткрыл дверь. Не очень большой квадратный зал, находившийся где-то наверху рядом со зрительской частью, был завешан черным бархатом, очевидно, для поглощения звука, и рояль звучал непривычно глухо. Я не стал входить, так как урок уже шел, и смотрел через эту щель. Человек двадцать пять не очень молодых артистов старательно выполняли движения у станка. Мне показалось, что подготовка их была не на высоте, что меня очень удивило. (Позже я узнал, что это были артисты миманса). Посмотрев немного, пошел искать зал, где занималась труппа Юрия Григоровича, куда меня пригласила Татьяна Ледовских, артистка этой труппы, несколько лет работавшая в нашем театре. Опять какими-то коридорами, по лестницам и переходам, на лифте, который, казалось, вот-вот развалится, поднялся на какой-то этаж (лифт шел только до него) и попал прямо к залу. До урока оставалось еще несколько минут, но артисты были уже на своих местах – опаздывать там нельзя. У педагога попросил разрешения присутствовать на уроке. Она как-то безразлично пожала плечами, даже не спросив, кто я и зачем мне это надо. Увидев меня, незнакомого человека, концертмейстер заметно занервничала – а вдруг «этот» собирается работать вместо нее. Она даже предложила мне поиграть урок. Я успокоил ее, объяснив почему я здесь.

После занятия спросил у педагога как работает Татьяна, сказал, что она танцевала и Одетту-Одиллию, и Жизель, и Китри, что она Лауреат Государственно премии РСФСР. Педагог не знала этого, очень удивилась и пообещала: – «Хорошо, присмотрюсь». Потом уже от Татьяны я узнал, что в Большом не очень любят, когда артисты добиваются успеха где-то помимо театра, не разрешают заниматься самостоятельно в нерабочее время – это возможно только с письменного разрешения и объяснения, для чего это нужно. Артист считался как бы собственностью Большого театра. Ну, как крепостные актеры.

Вечером шел балет «Золотой век» Дмитрия Шостаковича труппы «Большой театр – студия Юрия Григоровича». Татьяна Ледовских танцевала троечку, как значилось в программке, «Молодых рыбаков, участников представлений агиттеатра рабочей молодежи». Спектакль поразил мощностью звучания оркестра, масштабом постановки, безупречным исполнением, молодым азартом артистов. После спектакля встретил Татьяну у актерского подъезда, проводил домой. Через некоторое время Татьяна написала в письме, что смогла срочно заменить в спектакле заболевшую артистку и это помогло ей занять положение ведущей балерины труппы. Просила передать большую благодарность прима-балерине нашего театра Наталье Гальциной, которая подготовила с ней ведущие партии в балетах «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Жизель», «Дон Кихот».

Татьяна очень успешно работала с труппой Григоровича, станцевав весь репертуар и объездив весь мир. Затем много лет была ведущей балериной в американской труппе Алабама-балет. Сейчас преподает в Москве, ее дочь тоже стала балериной и танцует в Кремлевском балете.

На следующий день давали «Тоску» с артистом Б. в роли Каварадосси. Проводив нас на свои места, Лия Абрамовна ушла, сказав, что должна быть рядом с артистом, для поддержки, хотя это и не первый его спектакль в этой роли, но он еще недостаточно вжился в нее. И вот, после первой арии Каварадосси из разных уголков зала раздался... свист! Это была клака! Я впервые присутствовал при этом, и мне стало не по себе. А ведь спел артист вполне прилично, даже хорошо. Публика сначала бурно зааплодировала, затем, услышав свистки, аплодисменты сникли. Как артисту играть после этого? Но он собрался, и когда по воле режиссера должен был скатиться по лестницы, сделал это так, как будто это последний акт в его жизни. Настроение зала резко изменилось, и в конце спектакля артиста наградили бурными овациями и криками браво! В Большом все делалось по большому!

Небольшое лирико-ностальгическое отступление.

[Класс, в котором мы занимались с Лией Могилевской, находился за квадригой Аполлона,

украшающей фронтон Большого театра. Ну, стоял этот Аполлон и стоял на колеснице, как и подобает греческому богу, во все своей красе, и если вид сзади никого не смущал, тем более, что с этого ракурса его мало кто видел, то вид спереди, очевидно, мог смутить основоположника научного коммунизма, т.е. Карла Маркса, конкурс на проект памятника которому был объявлен в 1957 году. И кто-то, очевидно очень умный, приказал прикрыть листочком это «безобразие», которое, несмотря на то что находилось на высоте тридцати метров, могло отвлекать некоторых несознательных элементов от строительства светлого будущего всего человечества т.е. коммунизма. Ну, уж если русские умельцы смогли подковать блоху, то и это нехитрое дело быстро устроили, правда металла понадобилось чуть-чуть больше. Но в это время, как раз, вся наша страна перегоняла США по производству этого самого металла на душу населения. Правда, зачем душе населения этот металл никто толком не знал – наверное это было государственной тайной. А между тем, пока страна перегоняла США, конкурс выиграл не совсем русский скульптор Лев Кербель. И получилось, что один еврей (Лев Кербель) на площади имени другого еврея (Якова Свердлова) поставил памятник третьему еврею (Карлу Марксу)! А четвертая представительница этого маленького великого народа – блистательная Фаина Раневская назвала памятник этому третьему,

т. е. Карлу Марксу, «Холодильник с бородой». И это в самом сердце, как бы, социалистической по форме и как бы, православной по содержанию, страны! Да еще этот Аполлон, пережиток прошлого, листик с которого как-то очень быстро благополучно отвалился, слава Богу, не прихватив с собой ту пикантную деталь, которую призван был прикрывать, и из-за которого весь этот сыр-бор и разгорелся. О жертвах внизу не сообщалось.

Казалось бы, *finita la commedia*. Ан, нет! 6 августа 2010 года после грандиозной реставрации Большого театра открылась и отреставрированная квадрига вместе с тем же Аполлоном, половину принадлежность которого, очевидно под влиянием наступивших новых веяний, пришедших к нам «с одичалого Запада», определить теперь не представляется возможным. Но и это не все! Как с фотографией 2012 года Патриарха Кирилла, призывавшего паству к скромности и умеренности в отношении материальных благ – запредельно дорогие часы на его руке заретушировали, а вот их отражение на лоснящемся блестящем столе... Бдительный депутат Государственно Думы в 2018 году обратил внимание на денежную купюру номиналом в 100 рублей с фотографией Большого театра, на которой все тот же Аполлон опять красуется со своим «достоинством», отвлекая народ от очередной борьбы толи с кем-то, толи с чем-то.

Мудрый избранник этого самого народа, понимая, что бумажка эта, которая при коммунизме (т.е. еще в 1980 году) должна была совершенно исчезнуть, может попасть в руки, не про нас будет сказано, еще несознательного несовершеннолетнего, или, еще хуже – уже сознательной, но еще несовершеннолетней, предложил ставить маркировку 18+ на купюре, очевидно, на том самом «сомнительном» месте. Этот животрепещущий вопрос до сих пор не решен, что подтверждает жизненную важность теории еще одного представителя избранного народа – Зигмунда Фрейда, по крайней мере, для России.]

Кроме спектаклей Большого театра мне удалось посмотреть оперы «Похождение повесы» Стравинского (по серии из восьми картин английского художника XVIII в. Уильяма Хогарта «Карьера мота») с Марией Лемешевой, и «Дон Жуан или Наказанный развратник» Моцарта в Музыкальном камерном театре Бориса Покровского. В «Дон Жуане» в партии Лепорелло выступал Игорь Парамонов, работавший в нашем театре в 1964 – 1967 годах.

Еще немного...

[С Игорем во время спектакля в нашем театре произошел такой случай. В те времена прожектора в кулисах стояли на штативах. И вот за такой штатив решил подержаться Игорь, чтобы поправить туюфлю.

А там, где-то пробило изоляцию. Игорь не может оторвать руку, так как пальцы свело. Он отчаянно рванулся, штатив с прожектором с неимоверным шумом грохнулись на сцену, выдернув вилку из розетки. Это Игоря спасло. Что он при этом подумал мне рассказали знакомые, смотревшие спектакль с последнего ряда зрительного зала, так как Игорь свои мысли, кратко сформулировав, озвучил молодым, сильным, хорошо поставленным голосом, на красивом русском языке.]

После спектакля хотел подойти к Игорю поговорить, но было уже поздно, надо еще добираться до гостиницы, а Москву я тогда совсем плохо знал.

Еще мне удалось осуществить свою давнюю мечту – посмотреть легендарный спектакль МХАТа «Синяя птица» Мориса Метерлинка в постановке Константина Станиславского, Леопольда Сулержицкого, Ивана Москвина с музыкой Ильи Саца, поставленного в 1908 году и идущего до сих пор!

А свою землячку Нину Раутио я послушал в концерте молодых солистов Большого театра на основной сцене и в «Пиковой даме». Она произвела хорошее впечатление, хотя, как мне показалось, в «Пиковой даме» была несколько скована, не хватало свободы поведения на сцене, живого общения с партнером. Но зритель принимал ее очень доброжелательно, она была еще молода, и впереди ее ждала блестящая карьера.

Позже, в 2002 – 2003 годах Нина Раутио вернулась в Петрозаводск в качестве артистического директора Музыкального театра, поставила оперу «Сельская честь» Пьетро Масканьи, исполнив в ней партию Сантуццы. Но с труппой контакт наладить не удалось, возник конфликт, и с театром ей пришлось расстаться.

На одном из занятий от Лии Абрамовны мы узнали, что на днях из-за границы приезжает Галина Вишневская, в 1978 году вместе с Мстиславом Ростроповичем лишенная советского гражданства и государственных наград «за действия, порочащие звание гражданина СССР», с презентацией своей книги «Галина», но почему-то до сих пор не прислала ей приглашение, хотя они были близкими друзьями, и это ее как-то настораживало. Приглашение поступило лишь в день презентации, и Лия Абрамовна, подменившись на репетиции «Онегина», после первого акта убежала на встречу. В Большой театр Вишневская не пришла. Она вернулась лишь год спустя после того, как ей символически возвратили пропуск в Большой театр, и в честь 45-летия ее творческой деятельности на ее родной сцене был дан грандиозный концерт.

С Лией Могилевской произошло нечто обратное.

– В 1964 году в Москву приехал на гастроли Ла Скала. Я хотела попасть на спектакли. И позвонила Светланову, попросила помочь мне в этом. На что он мне ответил:

«Приезжай в Москву. Если сыграешь на конкурсе пианистов, который сейчас проходит в театре, дам тебе билеты». Большому тогда нужен был концертмейстер. И я приехала в Москву, но вовсе не ради конкурса. Я прекрасно работала в Ленинграде. Малый оперный в те годы был интересен своим репертуаром, западная классика шла на его сцене в гораздо большем объеме, нежели в Кировском театре. Немецкий дирижер Курт Зандерлинг, а он дирижировал двумя спектаклями Малегота, научил меня работать с певцами, проводить спевки, с ним я стала настоящим оперным концертмейстером... Конкурс такого рода потруднее госэкзамена в консерватории. Игра с листа любого произведения, предложенного комиссией, работа с певцами, умение дирижировать оркестром, чтение партитуры и многое другое. Я сыграла конкурсную программу и получила приглашение работать концертмейстером Большого.

Вот так просто: сыграла с листа, поработала с певцами, продирижировала оркестром, прочитала партитуру, и еще – многое другое... А сколько за этим стоит, чтобы вот так просто!.. Да, надо всего лишь быть ЛИЕЙ АБРАМОВНОЙ МОГИЛЕВСКОЙ! И хотя никто никогда не ставил под сомнение гениальность Лии Могилевской, жизнь ее в театре была не такой, уж, безоблачной. Марк Зальцберг в статье «Человек-оркестр Большого театра» (2009) пишет:

«...К месту будет привести анекдотичный разговор, о котором мне поведала Лия. Встретившись однажды в Германии еще в далекие советские времена с великим скрипачом Давидом Ойстрахом, Лия пожаловалась ему на трудную жизнь в театре, платили ей мало и продвижения по этой части удостаивали других. Ойстрах сказал: «Лия, евреи делятся на три категории. Тот, кто зарабатывает 100 рублей в месяц – просто жид пархатый, тот, кто зарабатывает 200 – еврей, а тот, кто, какая, получает 500 – есть гордость русского народа. Ты тоже гордость русского народа, значит и платить тебе вскорости будут соответственно».

Последнее.

[Когда балетмейстер Игорь Смирнов показал мне телефонный справочник артистов оркестра Большого театра, я подумал, что он мало чем отличается от списка прихожан Московской хоральной синагоги, разве что количеством – телефонный список был значительно солиднее. Русскому народу есть чем гордиться.]

Да, в конце концов Лие Могилевской стали платить «соответственно», но дело, очевидно, не только в этом, и она в 1997 году уехала из России, проработав в Большом театре 32 года: целая эпоха Большого связана с ее именем. На вопрос корреспондента чем живет в Нью-Йорке, ответила:

– Живу, как всегда, театром, своей профессией. Работала с вокалистами в нескольких интересных международных проектах. Это – «Хованщина» Мусоргского в Лондоне, «Борис Годунов» в Торонто, «Евгений Онегин» Чайковского на Глайндборнском фестивале, «Мертвые души» Щедрина в Бостоне, «Война и мир» Прокофьева в Сиэтле, «Орлеанская дева» Чайковского и «Франческа да Римини» Рахманинова – в Бирту... И не так давно – «Нос» Шостаковича на фестивале в Нью-Йорке... Как музыкальный директор организовала с участием русских вокалистов, живущих в Нью-Йорке, несколько концертов в Карнеги-холл, в театре «Миллениум» и на других сценах. Среди них – «Вечера оперной музыки», «Играем Шостаковича», «Музыка на все времена»... В концертах участвовали Мария Биешу, Маквала Касрашвили, Олег Кулько, Владимир Редькин и молодые вокалисты...

В 2010 году вышла книга Лии Могилевской «За кулисами оперы. Записки концертмейстера».

Вот так: кто-то теряет, кто-то находит.

Брехт, ты не прав!

1968 год, апрель. Музыкальный театр на гастролях в Мурманске, я с Русским драматическим театром в Боровичах в качестве пианиста – участника спектакля «Варшавская мелодия» с Еленой Бычковой и Олегом Белонучкиным. Я должен, отыграв поставленные в гастрольную афишу спектакли, ехать в Мурманск, а затем опять присоединиться к драме уже в Ленинграде, где будут показаны, кроме всего, «Варшавская мелодия» и «Дон Хиль – зеленые штаны», спектакль, идущий под живой оркестр, где тоже нужен пианист. На сцене Дома культуры сутолока, до спектакля остается совсем немного времени, и декорацию разгружают прямо с машины, двери нараспашку. Режиссер Юрий Чернышев распоряжается, как поставить декорацию на малоприспособленной для спектакля сцене, посередине которой у задника, прибитая откосами, фигура Ленина из фанеры с протянутой рукой, оставшаяся, очевидно, после очередного мероприятия. А туда надо поставить рояль, на котором мне и предстоит играть. Решив помочь монтировщикам, отдираю от сцены откосы, беру «вождя мирового пролетариата» подмышку и тащу в карман сцены. Поскольку холодно, я в шапке и пальто. Мне навстречу разъяренная директор Дома культуры:

- Как Вы обращаетесь с Лениным!!!

- Что же, мне его в Мавзолей отнести? Это не Ленин, а кусок фанеры – съязвил я.

- Я сейчас запрещаю постановку! – она встала у выхода как все двадцать восемь панфиловцев, защищая Москву. Стало понятно, что она будет стоять насмерть. Дело принимает скандальный оборот с непредсказуемыми последствиями. Но Юрий Чернышев – режиссер:

- Вы больше не работаете у нас монтировщиком! – грозным голосом произносит он. – Все! Можете идти! – он подмигнул мне.

- Ну, что ж, не работаю монтировщиком, так не работаю, – пробурчал я, подыгрывая ему, и чуть тише, в сторону, – придется работать пианистом, – и пошел надевать фрак.

Спектакль прошел с большим успехом. После спектакля директриса поднесла цветы артистам, пожала руку мне:

- Вы здорово играете, – заглядывая в программку, – Шопена, прямо до слез, – она меня, конечно, не узнала (каки Шопена).

На следующий день, знакомясь с городом, подошли к кинотеатру, где рядом с нашей афишей висела афиша кинофильма «Мужчина и женщина», и мы решили посмотреть. Мы – это Елена Бычкова, Олег Белонучкин, Юрий Чернышев и я. Впечатление было ошеломляющее! Из кинотеатра вышли молча. По дороге попался ресторан «Мста», куда и пошли отметить просмотр этого шедевра.

Тут же за столом Лена стала Анук Эме, Олег – Жан-Луи Трентиньяном, Юра – режиссером Клодом Лелушем, ну, а я – зрителем. Юра разводил сцены тут же придуманных ситуаций, Лена и Олег виртуозно исполняли, импровизируя на заданную тему. Это был спектакль! Официанты и немногие посетители с восторгом следили за развертывавшимся на их глазах представлением. Наградой были бурные аплодисменты, уверения, что все непременно придут на спектакли нашего театра, и двойные порции заказанных блюд.

Когда была сыграна последняя «Варшавская мелодия», администратор театра выдала мне железнодорожный билет до Мурманска, но на станции Угловка я должен был переночевать, ожидая проходящий поезд. С билетом я получил бумажку, с написанным адресом коменданта общежития, которая должна дать мне ключ от комнаты, в которой я и должен был находиться до прибытия поезда. Прямо детектив какой-то. Сойдя с поезда в Угловке, найдя по адресу эту женщину, получив ключ, дав честное слово, что ключ этот я верну и никого в комнату не пущу, дойдя до общежития, находящегося недалеко от станции, поднявшись на третий этаж, войдя в комнату и заперев за собой дверь, я, не раздеваясь, сразу же заснул. Снились какие-то кошмары: Ленин почему-то снял с меня шапку, сказав, что это его шапка, которую он оставил в гардеробе театра, когда был в Петрозаводске; потом панфиловцы под музыку Шопена по очереди

бросали гранаты, кто дальше; потом пошли танки по брусчатке, и все зашаталось... Я проснулся – в дверь кто-то яростно стучал:

- Дима, это я, Чернышев, открой!

Ввалился Юрий Чернышев:

- Поехали обратно. Как это у Высоцкого: «Там хорошо, но мне туда не надо» – так вот, позвонили из Мурманска: тебе туда не надо. Перекантуешься с нами в Боровичах, и поедем в Ленинград. Хорошо, что я успел.

- А что я буду делать? «Варшавской мелодии» больше не будет, из монтировщиков ты меня уволил...

- Ладно, пошли, скоро обратная электричка.

По окончании гастролей в Боровичах, автобусом по традиционно отвратительным дорогам мы докатились до Северной Пальмиры. Гастроли проходили во Дворце культуры им. А.М.Горького у Нарвских ворот, в котором по вечерам на танцах играл знаменитый полузапрещенный джаз-оркестр под руководством Иосифа Вайнштейна. Записи оркестра тогда ходили по рукам «на ребрах» – мягких пластинках, записанных на рентгеновских снимках. Его имя стало широко известно благодаря разгромной статье в газете «Правда» под названием «О творчестве и подражательстве», подписанной Дмитрием Кабалевским,

после выступления оркестра на Пленуме Союза композиторов в 1962 году. И лишь заступничество Андрея Петрова, Леонида Утёсова, Андрея Эшпая, Александра Колкера уберегли этот оркестр от расформирования, но от широкой концертной деятельности или записи пластинок пришлось отказаться.

Поселили меня в номере с Юрием Августовичем Вильдеком, прекрасным музыкантом, заведующим музыкальной частью Русского драматического театра. Он писал музыку к спектаклям, мог играть на любых инструментах, великолепно играл балетные уроки. Здесь он был в качестве дирижера оркестра, сопровождая спектакль Тирсо де Молина «Дон Хиль – зеленые штаны» с неподражаемыми Еленой Бычковой и Олегом Белонучкиным в главных ролях. Поскольку мы заняты были только в двух спектаклях, жили мы в гостинице «Выборгская», довольно далеко от центра, но, зато, подешевле – театр сэкономил деньги. С деньгами было туго, зарплату задерживали, каждый перебивался, как мог. Накануне я вернулся в гостиницу поздно, когда Юрий Августович уже спал: поскольку вечер был свободный, я пошел на концерт в Большой зал филармонии. После концерта, в гардеробе, вместе с номерком я, по старому столичному обычаю, даю «на чай», придерживая большим пальцем под номерком двадцать копеек. Мне вежливо подадут мое далеко не новое пальто:

- А что, лучше там ничего не было? – это я так сострил.

Гардеробщица растерялась и как-то неуверенно ответила, что не было.

Все бы хорошо, но эти двадцать копеек были последними, и до гостиницы «Выборгская» через весь Кировский проспект я добирался пешком! Подумал, что попрошу завтра денег у Юрия Августовича, чтобы перекусить и добраться до гостиницы «Октябрьская» – там был бухгалтер, и после обеда обещали дать аванс.

Утром проснулся рано, хотелось кушать. Но Юрий Августович еще спал. Промаявшись около часа, встал, пошел мыться. Когда вернулся, Юрий Августович лежал очень задумчивый с полуоткрытыми глазами. Я с пионерским оптимизмом попросил у него хоть сколько-нибудь денег до сегодняшнего аванса.

- А я только-только хотел то же самое попросить у тебя, – он сел на край кровати, – вот жизнь! Работаешь, работаешь, и что? Вроде, что-то умеешь, голова на месте. Точно, как в «Трёхгрошовой опере» у Брехта: «Своею головой никак не проживешь. Увы, своею головой прокормишь только вошь».

Он почесал затылок, надел очки, положил книгу, лежащую около подушки, на тумбочку, стал ногами искать тапки. Надел один, второй никак не находился.

Я взял с его ноги тапок и провел им под кроватью. Из-под кровати, как-то весело выкатилась пустая бутылка.

- О-го! Вот это находка! – Юрий Августович пришел в восторг.

- Но бутылку надевать на ногу не очень удобно, – не поняв его радости.

- А зачем ее надевать. Мы ее сдадим, получим 12 копеек. А 12 копеек – это полпорции пельменей!

Я обомлел:

- Ну, а Вы говорите: «Брехт». Брехт отдыхает!

Столовая была на другой стороне улицы. Не дойдя до перехода, мы побежали прямо к ней. Проезжавшая машина резко затормозила, водитель прокричал нам вдогонку знакомые слова. Машину мы не заметили, так как я смотрел на такую притягательную вывеску столовой, а Юрий Августович прижимал к груди нашу бесценную бутылку. Мы сдали бутылку, получили 12 копеек (сейчас бы сказали «монетизировали»), и гордо вошли в столовую. Это было время, когда хлеб в «общепите» был бесплатным. Взяли полпорции пельменей в бульоне, которые назывались «Особые», сели за столик. Нет, мы не сразу набросились на этих несчастных «водоплавающих» (назвать это бульоном,

надо обладать определенной степенью фантазии) – нескольких пельмешек, плавающих в подсоленной воде – мы же интеллигентные люди! Сначала мы намазали горчицей несколько ломтиков хлеба, посолили и, пожелав друг другу приятного аппетита, откусили по кусочку. Второй кусочек был уже побольше. Так мы съели весь хлеб со своего стола и поменяли нашу хлебницу на хлебницу соседнего. Потом, посчитав каждый для себя количество того, что плавало в тарелке, принялись за трапезу. Пельмени, действительно, оказались «особыми» – понять из чего они приготовлены не представлялось никакой возможности, но это не помешало нам съесть их с большим аппетитом. Давно я не получал такого удовольствия от еды!

Поблагодарив работников столовой, всех вместе и каждого в отдельности, мы вышли на Кировский проспект. Он был прямой и скрывался за горизонтом, как путь в коммунизм.

- Даже самая длинная дорога начинается с первого шага, – произнес Юрий Августович, и мы бодро зашагали по мокрой, от сошедшей наледи, мостовой навстречу светлому будущему, оставляя позади свое тяжелое прошлое.

Ну и Брехт с ним!

Кугл из лука

1 лук-порей, 2 ст. л. сливочного и 2 ст. л. растит. масла, пучок зеленого лука, пучок укропа, соль, перец.

Заливка: 50 г 20% сливок, 1 яйцо, 1 ст. л. манки, 200 г тертого сыра.

Дополнительно: сухари для обсыпки формы, 1 ст. л. растит. масла для обмазывания формы.

Белую часть порея и немного зеленой части нарезать кружками и до полуготовности обжарить в смеси сливочного и растит. масла. Добавить туда зеленый лук и укроп. Посолить, поперчить в конце.

В миске смешать сливки, яйцо, манку и сыр. Выложить в сковороду и перемешать. Керамическую форму смазать растит. маслом и посыпать сухарями. Выложить смесь. Запекать при 180 гр. около 20-25 минут, пока не покроется золотой корочкой.

Все нарезал, все добавил, все смешал, все выложил, все запек, формы, в основном, свои, обмазал...

Вытащил сковороду из духовки, посмотрел – цвет корочки показался недостаточно золотистым. Сунул обратно – пусть немного потомится. Запах, наполнивший квартиру, был, как говорил Аркадий Райкин,

«специфический». Открыл все окна, стало холодно, но запах оказался стойким. Не очень хорошо получается: сейчас придет дочь с молодым человеком, с которым давно дружит, для знакомства, а пахнет, как... Он может не понять и подумать, на что обрекает себя...

Из туалета взял освежитель воздуха, распылил. Как писал классик: «Все смешалось в доме Облонских». Не помню уже, как у Облонских, а у нас в квартире лучше не стало. Вспомнил про сковороду, томящуюся в духовке, быстро достал и вытащил на балкон студиться. На улице пробегающая собака остановилась, посмотрела вверх, принялась, фыркнула, мотнув головой, и побежала дальше, значительно увеличив скорость, один раз даже обернулась. Пришла с работы жена:

- Ты что тут наделал?

- Что значит «наделал»? Я приготовил кугл из лука.

- Да у меня уже все готово, нужно только разогреть. А свой кугл оставь для другого раза.

- А что, будет «другой раз»?

- Ну, если он попробует твой кугл, тогда не будет!

Как она угадала?!

Наконец, появилась дочь с симпатичным русским парнем. Дочь сморщилась:

- Папа, ты опять со своими экспериментами? – и, обратившись к молодому человеку, – Не пугайся, тебе не обязательно это есть.

Надо сказать, что это был период в моей жизни, когда я постоянно что-то готовил, осваивал еврейскую кухню. Не то, чтобы очень уж успешно, но хлопот своим ближним доставлял предостаточно, особенно, когда просил все это отведать. Тут возникали некоторые проблемы.

Мы познакомились, показали квартиру, сели за стол. Немного выпили, закусили, поговорили. И тут я пошел на балкон. Краем уха услышал, как женщины что-то одновременно вполголоса говорили Игорю.

Я торжественно внес сковороду, объяснил, что это традиционное еврейское блюдо, и открыл крышку. В носу засвербило, я извинился, чихнул, взял нож и попытался отрезать кусочек этого самого кугла. Ножик, очевидно от неожиданности, как-то жалобно искривился, но превозмог и отрезал неровно кусок этого «изделия», который я и положил на тарелку почетному гостю. Остальные куски, как мне показалось, ломались уже сами, только заведя нож. Получилось не очень ровно, зато запах!.. Все тот же – «специфический».

Дочь сразу сказала, что уже сыта и толкнула локтем Игоря. Тот, не вняв предупреждению, с трудом

воткнул вилку и откусил кусок. Я попробовал сам, и стало очевидно, что «это» есть не только нельзя, но и небезопасно:

- Да, тут что-то не так. Я, наверное, нарушил технологию приготовления. Оставим, пока не поздно.

- Да нет, ничего, – не очень уверенно произнес Игорь, с видимым трудом проглатывая очередной кусок.

Я с уважением оценил силу воли потенциального зятя.

После этого беседа как-то не пошла, и ребята быстро ушли – они торопились в кино на «Доктор Живаго». Вот там-то мой кугл, наложившись на страдания главного героя фильма, сделал свое дело – Игорю стало плохо.

Через несколько дней дочь пришла домой вся в слезах – они с Игорем расстались:

- Это все из-за тебя с твоим куглом!
- Да, испытание было не из легких, но, как говорил...
- Папа!!! И без того тошно!
- Ладно, следующему я приготовлю мацебрай с грибами...
- Хоть с грибами, хоть с кренделями, только без меня!

Прошло время. Мацебрай я не приготовил – как-то обошлось. Дочь вышла замуж за еврея,

благополучно растят троих детей. Игорь женился на русской, у них хорошая семья. Но они остались добрыми друзьями. Встречаясь, когда дочь приезжает в Петрозаводск, весело вспоминают тот памятный вечер. В кино Игорь не ходит. На мое предложение приготовить что-нибудь, оба отвечают, что не хотят перебивать послевкусие после *того* кугла из лука.

Запишите рецепт – может быть пригодится?

Визит к врачу

Накануне моего юбилея моя жена, врач 5-ой поликлиники, решила, что мне пора обойти врачей и проверить здоровье. Она с кем-то договорилась и дала направление в кабинет № 342, объяснив, что он находится на третьем этаже и что там работает симпатичная сестричка Машенька, которая мне должна понравиться. Это был неотразимый аргумент, который заставит меня пойти к врачу.

- Машенька выйдет и вызовет тебя, чтобы тебе не сидеть в очереди.

К обозначенному в направлении времени я нашел кабинет № 342, который оказался в небольшом

обособленном коридорчике. Надо сказать, что поликлиника №5 устроена так, что найти нужный кабинет довольно сложно – какие-то лабиринты, переходы, перекрытые проходы, лестницы – в общем, как всегда, все для людей. Ищущих.

- Кто последний?

Вся очередь, сидящая вдоль стены, обернулась, как-то подозрительно посмотрела на меня:

- Вообще-то я, – не очень уверенно сказала женщина, и мне показалось, что она хотела еще что-то добавить, но передумала.

Я сел напротив. Мне бросилось в глаза, что очередь состояла из одних женщин, из чего сделал вывод, что женщины у нас болеют чаще мужчин, наверное потому, что жизнь у них не сладкая – работают наравне с мужчинами, плюс дети и домашние заботы. И порадовался за свой жребий. Недаром евреи утром говорят благословение: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, за то, что Ты не создал меня женщиной». Стал рассматривать настенные плакаты. Там красовались женщины в разрезе, ну, прямо, как в мясной лавке. Мне стало неприятно.

Вошла очередная молодая пациентка:

- Кто последний, – обратилась она к очереди, как будто меня там не было.

- Я последний, – с некоторым вызовом отозвался.

Женщина как-то странно на меня посмотрела, молча села напротив, удлинив и без того приличную очередь. Все молчали. Я почувствовал какую-то неловкость. Скорее бы уже вышла сестричка Машенька! Действительно, скоро дверь кабинета № 342 открылась и появилась сестричка. Может быть она и была когда-то Машенькой, но очень давно. Сейчас – это пожилая опрятная женщина, с низким голосом, которая вызвала совсем не меня. Минут через 15 она вновь появилась, выпуская пациентку из кабинета и называя очередную фамилию, опять не мою. Увидав мой ожидающий взгляд, она спросила:

- Вы пришли с кем-то!

- Нет, я уже большой, пришел один.

- Да я вижу, что Вы большой. Покажите, пожалуйста, ваше направление.

Она прочитала направление и попросила меня пройти в регистратуру и уточнить номер кабинета.

Я вышел на лестничную клетку и позвонил жене:

- Ты куда меня направила? Тут очередь на два часа! И где твоя Машенька?

- Ты у какого кабинета ждешь?

- У 342-го! У меня еще не такой склероз, в цифрах разбираюсь.

- И что написано на двери кабинета?

- Врач-маммолог Геворкян Марина Петровна.

- Какой маммолог!!? У тебя есть голова на плечах?

- Да, я на нее кепку надеваю.

- Вообще-то ей думают.

- Кепкой?

- Да-а... Я точно тебя не к тому врачу направила. Иди домой, завтра разберемся.

Я вышел из поликлиники, пошел на остановку. Звонок.

- Я позвонила Машеньке – никакой очереди нет, они тебя ждут... Постой, ты в какой поликлинике?

- Как «в какой?» В пятой!

- А номерок у тебя в четвертую, рядом с домом!

Вечером в Интернете я посмотрел, кто такой врач-маммолог.

Интересно, к какому врачу я пойду в следующий раз?

Три малявы

I

С Дмитрием Алексеевичем и Анной Ивановной я познакомился, когда приехал в Сегежу просить руки их младшей дочери Марты, с которой дружили уже четыре года.

На подъезде к городу в вагоне появился специфический запах, отличающий атмосферу этого индустриального центра нашей великой родины. Потом в окне появилась величественная панорама с множеством труб, из которых валил дым всевозможных расцветок и оттенков. А из одной из них над всем городом стелился огромный оранжевый шлейф – «лисий хвост», как не без некоторой гордости пояснил нам сосед по купе. Это было даже красиво. Очевидно, международные экологические организации не рисковали сюда заглядывать, а свои люди привыкли совершать подвиги, как в известной песне: «...Пока я дышать умею, Я буду идти вперед», которую я неоднократно исполнял, хотя далеко не со всеми словами был согласен. Где этот «перед», а величина эта не постоянная, нам указывали в передовицах газеты «Правда», какие-то ингредиенты для бумаги, на которой она печаталась, и производили на Целлюлозно-бумажном комбинате (ЦБК)

этого славного города. И хотя дым был разноцветным, газета выходила в черно-белом варианте, очевидно, чтобы не отвлекать внимание читателей от глубинных мыслей и идей, выкладываемых на страницы этой «самой правдивой газеты в мире».

Встретили нас просто, но очень тепло, по-домашнему. Выпили, как положено, закусили грибами, откушали наваристой ушицы, из пойманной Дмитрием Алексеевичем – заядлым рыбаком – рыбы, поставили на стол самовар, выпечку, варенье – что еще надо для счастья? После этого слова песни: «Жила бы страна родная, И нету других забот!» уже воспринимались как-то по-другому. Где-то прокуковала кукушка, и я подумал, что с экологией здесь не так уж плохо. «Официальная часть» тоже прошла просто и естественно, назначили дату – 31 декабря. Заведующая петрозаводским городским загсом, Тамара Скокова, была моей знакомой – она пела с эстрадным оркестром Онежского тракторного завода (ОТЗ), в котором я был пианистом, так что никаких проблем с регистрацией не предвиделось.

Уже было поздно, нам пожелали спокойной ночи и оставили в небольшой, но очень уютной комнатке. На стене висели часы в виде домика, из домика на цепях свешивались гири, под часами в раме красовалась

картина с лебедями – произведение, во всевозможных вариантах, продаваемое на всех базарах страны. Но главное это была кровать, застеленная настоящей периной. Я впервые лежал на перине – это было необыкновенное ощущение неги и счастливого восторга! Марта быстро заснула. Вдруг где-то за спиной что-то заскрипело и:

- Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Я перевернулся: дверца домика открылась, и оттуда вылезло то, что, очевидно, называлось кукушкой, которая со скрипом поворачивалась из стороны в сторону и довольно противно прокуковала двенадцать раз! Хотя мне показалось, что намного больше. Мне было уже не до сна, я ждал, когда опять вылезет это чудо. Оно вылезло ровно через час, потом еще через час. Когда же это чудовище прокукарекало четыре раза, я решил, что больше никогда не женюсь!

- Да нужно просто снять гирю, и часы остановятся, – сквозь сон произнесла Марта.

Эту ночь я запомнил на всю жизнь. До сих пор, когда я слышу кукушку, правда, случается это только тогда, когда хожу навестить своих родных и знакомых на кладбище, мне хочется посмотреть который уже час и сколько еще осталось.

Музыкальный театр, где я работал, выделил мне комнату площадью 9 кв.м. в общежитии на улице М.Горького, и мы зажили счастливой семейной жизнью. Правда, в нашем «отсеке» с одной кухней на две плиты, огромным овальным столом посередине, покрытым шпоном из карельской березы, и одним туалетом счастливой семейной жизнью жили еще в пяти комнатах. Но, поначалу, как-то все это не очень мешало – работали много, получали мало, пили умеренно, ели, когда было что есть. Да еще принимали друзей по 10-12 человек, праздновали премьеры, вернисажи, дни рождения, встречи и разлуки. Через эти 9 кв.м. прошли многие впоследствии выдающиеся деятели карельской культуры и искусства. Но, опять же, как поется в той же песне: «Не думай, что все пропели, Что бури все отгремели» – родилась дочь Наташенька. Чтобы ее вымыть, надо нагреть воду на плите, хоть немного обогреть кухню, закрыв ее для посещения на все это время для других счастливых обитателей нашей «вороней слободки». Но, главное, поскольку все работали в театре, то возвращались домой в 10 -11 часов вечера. А ребенку, чтобы дожить до «светлого будущего всего человечества», необходим спокойный сон... Театр ничего обещать не может, больница, где работает Марта, тоже. А работает Марта в городском травмпункте, с его ночными дежурствами, опять же: «И снег, и ветер, И звезд ночной полет...» Находится травмпункт,

как часто у нас бывает, в самом неподходящем для этого месте, на улице Промышленной, и добраться до него можно лишь людям с хорошей предрелигиозной подготовкой от остановки единственного автобуса № 3 в горку по остаткам деревянных мостков, освещенных только если «Сквозь волнистые туманы пробирается луна». Это летом и здоровым. А с травмой? А весной, осенью или зимой? И вот однажды, часа через два после того, как Марта ушла на очередное ночное дежурство, в комнату вбегает наш друг, молодой талантливый хирург Олег Машбиц-Веров:

- Дима, не волнуйся, уже все в порядке. Я из больницы с дежурства на «скорой», и мне нужно срочно обратно. Марта в отделении с небольшим сотрясением, но завтра ее отпустят домой. Она шла на работу, и кто-то сзади по голове...

Все. Струна лопнула...

Я сел и за ночь написал от имени Марты письмо Председателю Совета министров Карелии, под плач дочери, которой, видимо, передалось мое почти истерическое состояние. Написал все, что знал и чего не знал: и про военный путь отца Марты, командира отделения вожатых собак разведслужбы, его боевые награды – медаль «За отвагу», орден «Красной Звезды», орден «Отечественной войны» I степени; его подвиг при форсировании реки Буг;

самоотверженный труд по восстановлению ЦБК в Сегеже, отмеченный орденом «Знак Почета». Про своего отца – воспитанника киевского детского дома, который получил в 1924 году стипендию им. Ленина, как талантливый студент; его работу в прифронтовом театре Карелии; медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В таких условиях одна семья вырастила и воспитала четырех дочерей, другая трех сыновей. И вот теперь их дети, выросшие и получившие образование в Карелии, молодые специалисты оказались не нужны? Они должны уехать куда-нибудь в Казахстан или Сибирь только потому, что здесь для них не нашлось крыши над головой? И про Марту, которая, помогая людям, сама подвергается опасности, идя на работу, расположенную в непригодном и просто криминальном месте. И что у дочери, растущей в таких условиях, в два года уже проявляются отчетливые признаки неврастения...

Все это я сдал в приемную. Через две недели в Горздравотделе Марте вручили ордер на квартиру в только что сданном доме на Ключевой. Через девятнадцать лет там поставили телефон, как специалисту экстренной службы. Вопросом травмпункта занимались много лет – теперь он в центре города.

Ну, что ж, «*Finita la commedia*», что в переводе на язык песни означает: «Готовься к великой цели, А слава тебя найдет!»

II

Композитор Геннадий Вавилов заметно нервничал:

- Ну, где эта твоя Чарская?! Через десять минут начало!
Вы, хоть, порепетировали сегодня?

- И не только...

В помещении Дома Актера Союза театральных деятелей Карелии раз в году проходил семинар для молодых деятелей культуры под эгидой Обкома комсомола. Принимать участие в подобных мероприятиях было престижно, и, кроме того, это был шанс заявить о себе, что немаловажно для начинающих творческих работников. И организаторы, и участники готовились к этому семинару заранее и очень серьезно, подбирая кандидатуры, проверяя репертуар и работы, которые будут представлены на нем. Геннадий Вавилов обратился ко мне с просьбой найти молодую красивую артистку для исполнения песни, которую он незадолго до этого написал. Я предложил Татьяну Чарскую, приехавшую после окончания Музыкального училища при Ленинградской консерватории, первый сезон работающую в нашем театре, с которой мы уже подготовили несколько произведений Гершвина и успешно выступали. И вот...

Появляется, сияющая, Татьяна. Я хватаю Гену за руку, пытаюсь смягчить его реплику...

- Ну, ты, даешь... – он не находит слов.

Татьяна, несколько удивленно, обводит нас своими огромными искрящимися глазами, с укоризной:

- Ну, разве можно нервировать... беременную женщину!

У нас аж дух перехватило!

- Да, да, – делая изящный полукруг рукой и глядя на часы, – я уже 52 минуты, как беременна!..

И невозмутимо поправляет прическу.

Окружающие оценили шутку. Гена во все глаза смотрит на меня: нос у меня удлинился, уши побагровели. К счастью, звенит колокольчик, призывая в зал, все шумно рассаживаются.

Официальные приветственные слова. Кто-то выступает, кто-то, может быть, и слушает, но это никого не интересует. Наконец, дают слово композитору:

- Сегодня я хочу представить вам песню на стихи Ольги Фокиной, написанную совсем недавно. Это первая песня в моем творчестве – до этого я писал серьезную музыку, но песня – это живое непосредственное обращение к молодежи. И мне приятно, что первой исполнительницей будет молодая солистка нашего Музыкального театра Татьяна Чарская.

Мы проходим в помещение кафе. Вежливые аплодисменты. Пианино зажато где-то в углу. Я ставлю ноты на пюпитр, Татьяну почти не вижу:

-М-м?..

Первые вступительные аккорды. Татьяна вдруг резко поворачивается ко мне и, не интонируя, произносит: «Мне холодно, знаешь? Мне холодно, слышишь?»

Зал от неожиданности резко замер. Даже табачный дым, казалось, застыл в воздухе. Второй куплет. Напряжение нарастает, третий... На протяжении всей песни никто не шелохнулся, а когда последнее почти шепотом произнесенное «Слышишь?» растворилось где-то за стенами зала, наступила пауза. Та пауза, о которой мечтает любой артист. И шквал аплодисментов! Это был триумф! Сразу все пришло в движение, возгласы, поздравления, бис, браво! Песню пришлось повторить – успех еще больший, чем в первый раз! Лишь после третьего исполнения и призывов ведущего смогли продолжить программу.

Подошел главный режиссер Музыкального театра Дмитрий Уतिकеев, горячо поздравил Татьяну:

-Оказывается, Вы и это можете!

Геннадий Вавилов счастлив. Через несколько дней приносит еще две песни на стихи Фокиной, и создается вокальный цикл, впоследствии с большим успехом часто исполняемый.

Как обычно и бывает в театре, после такого, наделавшего много шума выступления, о Чарской заговорили. Она успешно работает, играет ведущие роли, но ей хочется большего – она решила учиться в консерватории тем более, что там стала преподавать Ирина Степановна Гридчина – прекрасная актриса и педагог, уже на первых порах многому научившая Татьяну, как в вокальном, так и в артистическом плане. Но возникла проблема – заочного вокального отделения в консерватории нет, бросать театр тоже не хочется. Необходимо было ходатайство от Министерства культуры. В министерстве не хотят брать на себя ответственность, так как консерватория относится не к их ведомству – пусть напишет нам директор театра Звездин: «в виде исключения», «театр нуждается в артистке» и пр., а мы рассмотрим. Зная Звездина и специфику работы театра, он такую бумагу не напишет, так как должен будет освобождать артистку, занятую в репертуаре, дважды в год на сессии, как раз на время зимних школьных каникул с их «елками» и летних гастролей.

- Димочка, у тебя есть пишущая машинка, ну, настучи на ней что-нибудь, а мы с Ириной Степановной попробуем уговорить Звездина и министерство, – почти безнадежно просит меня Татьяна, – у тебя же, говорят, – голова!

- А все остальное?

- Остальное похуже.

- Ладно, ладно...

Хорошо сказать «настучи». Сергей Петрович самодостаточный человек, все вопросы, связанные с деятельностью театра, решает сам, а потом уже ставит перед фактом министерство или Обком партии, поэтому «просить», да еще за молодую артистку... «Стучал» я дня три. Получилось так, что было непонятно кто, кого, о чем и зачем просит. Слова странно цеплялись друг за друга, переплетались, получалась какая-то вязь, и если не вникать в смысл, который не очень угадывался, то даже по-своему красиво – ну, помесь арабского с ивритом.

- И вот «это» я должна подать Звездину?!

- Как хочешь...

Мы договорились с секретарем, милейшей женщиной, чтобы она запустила Татьяну в кабинет после какого-нибудь приятного для Звездина разговора. Она перебрала бумаги в красной с синим обрезом папке на столе и пригласила прийти завтра к 14.45. Назавтра в 15.05 Татьяна, сжимая бумажку, закрывает за собой

дверь кабинета. Время мучительно поплыло, как на картине у Дали. Что происходит ТАМ? Долго, долго... О чем можно так долго говорить? Или да, или нет. Чего тут выяснять?

Вдруг вылетает Татьяна с каким-то победоносным кликом, бросается мне на шею, размахивая той самой, так много значащей бумажкой, и через незакрытую дверь видно, как Сергей Петрович тихо улыбается. Секретарь прикрывает дверь, приглашая следующего посетителя.

- Ну?..

- Что, ну? Сергей Петрович раза два, или даже три основательно, как он все делает, прочитал «это», – она поцеловала бумажку, – потом посмотрел на меня:

- Витиевато. Кто писал? Цвибель?

Я даже не успела соврать, только робко кивнула. Он, не торопясь, взял ручку, повертел ею, посмотрел на фигуру бизона, стоящего у него на столе, что-то написал наискосок бумаги и передал мне со словами:

- Иди, учись...

Дальше – уже другая история.

III

- Мама, когда мы опять пойдем в гости к Андрюше, а то я уже все плохие слова забыл?

Андрюша – это мой сын. Азы родной речи он впитывал не от Арины Родионовны, а от бабы Шуры, нянечки детского садика на Ключевой. Первую осознанную фразу от него мы слышали, когда он пытался, придя домой, засунуть в рот пустышку, с которой не расставался довольно долго. Пустышки времен активного строительства коммунизма производила отечественная промышленность, поэтому они немного не дотягивали до мировых стандартов: слипались, прогибались, рвались, ломались, и сосать их можно было, только приложив определенные усилия, что, разумеется, заметно развивало практические навыки подрастающего поколения. И вот наш сын, который еще невнятно выражал все свои мысли, и отчетливо произносил только мама, и как-то безнадежно – папа, сидя один посередине комнаты на ковре, вдруг (как оказалось позже, это только для нас «вдруг») явственно с большим чувством, как диктор первого канала советского телевидения про очередные происки мирового сионизма, изрек:

-У, соса, б...!!!

Необходимо отметить, что особых претензий к бабе Шуре у нас не было. Когда в садике одни за другими закрывались группы на карантин, единственная группа, которая ни разу не была закрыта, это как раз ее группа. Причина так и осталась не изученной. Но особую гордость вызывал стенд с набитыми деревянными

колышками, на которых висели «именные горшки», т.е. горшки, на каждом из которых красовалось имя его владельца. Всегда в определенном порядке, сияющие чистотой. Садик находился в низине, а наш дом на горке, и из окна кухни пятого этажа хорошо просматривалась группа бабы Шуры, и мы с женой подсмотрели ноу-хау, пока не запатентованное, позволяющее экономить водные ресурсы страны.

На низкой табуретке величественно, как императрица, восседала баба Шура, держа между ног горшок. К ней в строгом порядке выстраивалась очередь будущих защитников Отечества со спущенными штанами и с «петьками» наперевес. Они четко, подойдя на определенное расстояние, делали то, что положено было сделать, и быстро оставляли позицию, давая возможность другим сделать то же самое. В этом акте я усмотрел начатки военно-патриотического воспитания, воспетого (хотя «описанного» точнее по смыслу) позже Евгением Гришковцом в пьесе «Какя съел собаку».

Кстати, про садик. Лучшим садиком в то время считался Детский сад №16. Он находился (и находится до сих пор) на улице Куйбышева, и через него прошли многие дети театральных работников. Приветливый персонал, удобное расположение в центре города, недалеко от театров, что очень важно, когда необходимо забрать ребенка между репетициями, или перед спектаклем, делали его просто идеальным вариантом.

И вот в один прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы с Натальей Васильевной приводим сына Митю в кабинет директора для знакомства. После обоюдных комплиментов и оформления всяческих официальных бумаг, директор нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка с широкой доброй улыбкой.

- Анна Петровна, познакомься и принимай пополнение.

Мы мило познакомились, «пополнение» немного покапризничало, но когда нянечка сказала, что в группе есть настоящий «живой уголок», услышала в ответ:

- А бронтозавры там есть?

- Нет, там есть птички.

- Ну, да, бронтозавры жили очень давно, когда я еще был маленьким, – и они ушли, наладив контакт, и довольные друг другом.

Через год в другой прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы с Мартой Дмитриевной приводим сына Андрюшу в кабинет директора для знакомства. После обоюдных комплиментов и оформления всяческих официальных бумаг, директор нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка с широкой доброй улыбкой.

- Анна Петровна, познакомься и принимай пополнение.

Анна Петровна слегка смутилась. Мы познакомились, она хотела, очевидно, еще что-то спросить, но, встретившись с выразительным взглядом директора, увела покорное очередное пополнение в группу.

Через год подросток Сёма, которого учил нехорошим словам мой сын Андрюша, а поскольку его мама Валя была моей коллегой по театру, и воспитывала сына одна, мы решили, что он пойдет в садик №16, и я, в случае ее занятости на работе, смогу его оттуда забирать.

И вот в еще один прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы – Валя, ее сын Сёма и я появляемся всё в том же кабинете того же директора. Объяснили ситуацию, которую директор с каким-то даже уважением выслушала, пригласили ее на готовящуюся в театре премьеру, и все встало на свои места.

Поговорили о жизни, некоторых ее причудах. Директор как-то нерешительно нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка Анна Петровна с широкой доброй улыбкой. Увидев всю картинку, Анна Петровна застыла, неестественно выпрямилась, улыбка отделилась от ее лица и повисла в воздухе, как у Чеширского Кота, и медленно, медленно, задом, осторожно бесшумно закрывая за собой дверь, нянечка исчезла. Немая сцена...

Прошло время. Дети выросли. Один в Дублине, другой в Иерусалиме, третий в Санкт-Петербурге. Детский сад №16 на том же месте. Над входом в малышковую группу «Кроха» висит огромная растяжка, посвященная очередной дате Великой победы 1941-1945 гг. и много, много пятиконечных звезд – это вам уже не баба Шура, или Евгений Гришковец...

«Придут другие времена, взойдут другие имена» – так сказал поэт. Пришли и взошли.

За прошедшие тридцать лет и жизнь изменилась, и страна стала другой, но Детский сад №16 остался, хотя персонал и порядки в нем слегка поменялись. Лариса, ведущая солистка балета нашего театра, когда подрос ее сын Никита, тоже по большому благу добилась места для него в этом благословенном садике. Я уже работал в Союзе театральных деятелей, и окно моего кабинета выходило на прекрасную скульптурную композицию – сидящих на скамейке и ведущих интересную беседу Карла Маркса и Фридриха Энгельса, установленную как раз рядом с входом в малышковую группу «Кроха». И я постоянно наблюдал, как новое поколение этих крох, с трудом возвращающихся из коммунизма, проходит мимо его основоположников. Это были лучшие моменты моей работы в СТД. Но просто пассивно наблюдать жизнь со стороны я не умею. И мы договорились с Ларисой, что при необходимости, я буду забирать Никиту из садика. Уже новый директор внимательно выслушал нас, записал мои паспортные данные, и уже на следующий день...

- Вы за кем пришли? – стоя в полуоткрытых дверях, строго спросила нянечка, держа заплаканную девочку на руках, как монумент «Воин-освободитель» в Трептов-парке в Берлине. В группе оставалось уже совсем мало детей.

- Да мне все равно. Дайте кого-нибудь, и я пойду, – сорок лет работы в оперетте накладывают заметный отпечаток на мозг человека (по-моему, хорошая тема для диссертации по психиатрии).

Нянечка испуганно отступила назад и взялась за ручку двери, чтобы, в случае чего, захлопнуть ее.

- Кто Вы? Как зовут ребенка? – девочка на ее руках притихла.

- Да это же Дима! Вы что, не видите? – между нянечкой и дверью просунулась голова Никиты, – мама сказала, чтобы мы взяли всю мою одежду, ее надо постирать.

Я извинился, сказал, что я из театра. Она сочувственно кивнула. В следующий раз уже сама спросила:

- Вам кого отдать?

Вдруг девочка, которая сидела за столиком и неохотно всхлипывала:

- Меня.

- Ты что! Это же мой Дима! – запротестовал Никита.

Конечно, Никитушка, ты прав...

Однажды, придя за Никитой, обратил внимание, что нянечка не улыбается, и на глазах готовы выступить слезы. Поскольку никого, кроме нас в раздевалке не было, я поинтересовался, в чем дело. Тут она, действительно, расплакалась, закрыв дверь в группу:

- Понимаете, меня хотят уволить – директору нужно место, чтобы устроить кого-то из знакомых. А я проработала тут почти двадцать лет! Куда я пойду? Мне уже 60. Своих детей у меня нет – сын пропал в Чечне – здесь мне не одиноко, я чувствую себя нужной детям, привыкла, как к своим. А так...

- Я попробую Вам помочь.

Она недоверчиво посмотрела на меня, поблагодарила, вытерла слезы и пошла в группу.

Я сел за компьютер и глубоко задумался. Что можно написать? Какие аргументы? Ткнул первую попавшуюся клавишу... Потом, как прорвало: я писал о быстротечности жизни, о благодатных семенах, которые должны прорасти в наших детях, о передаче национальных традиций. В одном предложении у меня уместились Арина Родионовна, Надежда Константиновна, физиолог Павлов, Зигмунд Фрейд, Макаренко, Януш Корчак... «А американский психолог Отто Ранк (Розенфельд) советует...» Что он советует,

я не знал, но все это каким-то образом связал с нашей нянечкой, и получилось какая-то наукообразная чепуха. В довершении написал, что садик может гордиться своими выпускниками, один из которых даже поет в тель-авивской опере!

На следующий день передал эту бумагу директору, ничего не объясняя, попросив прочитать ее очень внимательно. Извинился, что не могу уделить ей сейчас время, но готов встретиться в любое другое, удобное для нее.

Встреча не состоялась, но нянечка осталась. Она рассказала, что директриса вызвала ее и с большим уважением поговорила с ней, как будто первый раз ее увидела. Несколько испуганно показала бумагу. Чуть позже нянечка попросила меня сделать ей копию этого письма, пояснив, что если ей придется искать работу, то с такой рекомендацией ее возьмут куда угодно: хоть в Горсовет, хоть в Законодательное собрание, даже в Госдуму, Белый дом, или какой-нибудь дом другого цвета...

А я подумал, по какому поводу буду писать следующую маляву? Кого поведу в детский садик № 16? У американского композитора Чарлза Айвза есть оркестровое произведение «Вопрос, оставшийся без ответа». А может быть, и не всегда так уж необходимо получать ответы на эти вечные вопросы?

И все же...

Мы идем по улице с Ларисой и Никитушкой – ему уже пять лет, он ходит в другой садик, и вообще, они скоро уезжают из Петрозаводска навстречу новой жизни. А навстречу нам – женщина с белокурой в кудряшках девочкой на руках. Лариса знакомит нас. Ирина – моя новая знакомая – радостно сообщает, что только что ей выделили место для дочери в садике, и через полгода, когда Агате исполнится два годика, она отведет ее туда. Вот только могут возникнуть проблемы с тем, что рабочий день у нее не нормирован, и не всегда она сможет забирать ребенка из садика вовремя.

– Ав какой садик?

– Да тут рядом, садик № 16. (!)

Лариса, улыбаясь, выразительно смотрит на меня...

Вот так «причудливо тасуется колода».

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.	Как я ходил по Большому.....	3
2.	Брехт, ты не прав!	24
3.	Кугл из лука	32
4.	Визит к врачу	36
5.	Три малявы	40

Из серии
«БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»
вышли в свет:

Бен Гирш. Азбука иудаизма
Дмитрий Цвибель. Время любить
Из еврейской поэзии. Сост. **Иосиф Гин**
Нохим-Залманович. Еврейские пословицы
Давид Генделев. Из истории еврейской
общины Петрозаводска
Имена и судьбы. Сост. **Юлия Генделева**
Залман Кауфман. Невыдуманные рассказы
Евреи Карелии. Сост. **М.Бравый, И.Шегельман, Я.Бравый**
Залман Кауфман. Зяма
Дмитрий Цвибель. Судьбы, опаленные войной
Дмитрий Цвибель. Мой еврейский вопрос
Дмитрий Цвибель. Лидеры
Дмитрий Цвибель. Мой папа
Лев Хорош. Судьбы еврейские
Дмитрий Цвибель. Август 91-го и после
Иосиф Гин. Хочу рассказать...
Софья Лойтер. Частички бытия
Наталья Лайдинен. Звезды на северном небе
Наталья Лайдинен. Свет исцеления
Рудольф Мельцер. Пятая графа
Наталья Лайдинен. Живые корни
Залман Кауфман. Еврейские зигзаги русской словесности
Наталья Лайдинен. Мосты культуры
Наталья Лайдинен. «Есть мужество поэта – не молчать...»
Дмитрий Цвибель. Горький дым Холокоста

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Выпуск 26

*Редактор серии
Дмитрий Цвибель*

Издательство «Принт», Лицензия ИД № 01283
от 22.03.2000г.

Отпечатано: ООО «Два товарища».
Республика Карелия,
г. Петрозаводск, Лесной пр., 51.

Тираж 100 экз. Заказ № 34